

5 октября 1982 г. № 80 (5608)

ЭТИ ВСТРЕЧИ — КАК НАГРАДА

КИНОРЕЖИССЕР ТАТЬЯНА ЛЮЗНОВА РАССКАЗЫВАЕТ
О ПОЕЗДКЕ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

У кинематографистов такая профессия: нас бесконечно носит по стране. На карте Советского Союза найдется мало мест, где бы я не побывала. Но на Дальний Восток я поехала этим летом впервые. Меня пригласили на премьеру нового фильма «Карнавал».

Поездка стала для меня не только радостным праздником, но и цепью бесконечных открытий. Сначала я побывала во Владивостоке, Уссурийске, Находке, встречалась со зрителями — рабочими, партийными работниками, инженерами, тружениками полей, моряками. Из Находки путь мой лежал в Хабаровск, Амурск, Комсомольск-на-Амуре и Биробиджан. Естественно, что ни город, то свои успехи и проблемы, новые задачи, о которых было интересно узнать.

Дальневосточники добродушны, неторопливы и обстоятельны, у них мужественные сердца и открытые души. Конечно, есть что-то особое в укладе их жизни, что диктуется условиями края, климатом, природой, да и отдаленностью от центра страны. Есть, я бы сказала, особый дальневосточный характер...

Во время поездки я часто думала о том, что картин, действие которых разворачивается на Дальнем Востоке, которые воспевают бы людей и природу этих дальних, но нашпиленных мест, пока еще очень мало. Снимать фильмы о преобразованиях на Дальнем Востоке, о первопроходцах и моряках, горнодобытчиках и ученых, об их жизни, мечтах и помыслах надо непременно. Ведь советский Дальний Восток — это особый край, особый народ, особая интересная, насыщенная жизнь.

Хорошо известно, что кино формирует сознание. Скажем, Комсомольск, которому недавно исполнилось полвека, навечно связан для всех нас с романтикой тридцатых годов. И во многом, представьте себе, из-за кинокартины «Комсомольск», которую в свое время поставил С. Герасимов и где играли замечательные актеры. Я и о себе могу сказать, что долгие годы для меня существовал именно тот, пришедший с киноэкрана Комсомольск. Как радостно было мне встретиться с городом юности, увидеть его современный облик, новые кварталы, красивые

проспекты, новый Дворец культуры, огромный парк.

Аудитория зрительская там необыкновенная — и своим энтузиазмом, и жадной общением с представителями чужих искусств, и зрелой подготовленностью к серьезному разговору о кино и о жизни. Пусть не обидятся на меня зрители других городов, но вопросы, которые мне задавали дальневосточники, их стремление дойти до истины в том или ином вопросе были гораздо глубже, острее, непредвзятое и, еще я бы особо подчеркнула, — доверительнее. Зрители посвящали меня в многообразные сферы жизни края с надеждой, что кинематограф прикоснется к тому, что волнует людей и в чем-то поможет им, подскажет, научит. Не награда ли это нашему советскому кинематографу и, в частности мне, как его представителю?

В записках, которых было множество, зрители часто возвращались к прежним моим работам. Особенно меня порадовало пристальное внимание к фильму «Мы, нижеподписавшиеся». Ко времени нашей встречи картина демонстрировалась на телеэкране лишь один раз, и мне казалось, что фильм мало кто посмотрел. А выяснилось, что события в вагоне поезда, куда сел Ленья Шиндин, знакомы до мелочей, вызывают и размышления, и споры. Один инженер написал мне, что был в его жизни момент, когда он готов был сдать позицию. Но посмотрел картину «Мы, нижеподписавшиеся» и сказал себе: «Не имею права». В записке далее говорилось: «Я не могу сказать, что одержал победу, но по крайней мере остался честным человеком. Фильм дал мне урок на всю жизнь. Я понял: надо до конца стоять за дело, которое делаешь». Не правда ли, что для художника может быть дороже такого отклика?

Немало разговоров о молодежи вызвала и картина «Карнавал». На счету современных молодых людей немало славных дел. Но нельзя не сказать и о другом: замечаю я у некоторых молодых людей и те качества, которые огорчают. Например, стремление выбрать так называемую «престижную профес-

сию». Как вообще могло в нашей жизни появиться такое понятие? Нет непрестижных профессий! Дело делает человек, и дело красно тем, как человек его делает. Со школьной скамьи мы внушаем: перед вами, юные друзья, открыты все дороги. Ну да, дороги открыты, но это не значит, что по ним можно прокатиться как на автомобиле. Дороги открыты, но их надо выбрать, надо преодолеть и трудности, и опасности на жизненных поворотах. А у некоторых молодых людей возникает такое всепоглощающее желание: прежде всего купить автомобиль, а потом уж катить на нем по жизненным дорогам.

Или другая проблема, на мой взгляд, тоже чрезвычайно «больная». Почему вдруг стали появляться старики, которые целиком зависят от помощи окружающих — соседей, друзей, общества, при том, что у них есть родные дети? Разве так может быть в нашем обществе? Это безразлично! Картина «Карнавал» прикасается к этим вопросам.

Зрители спрашивали, как сложилась моя жизнь, как я стала режиссером. Негладкой была эта дорога. В самом начале меня и увольняли, и несколько лет ожидала я первой самостоятельной картины. Трудно было, но сейчас я знаю: негладкость дороги и помогла мне выкристаллизовать в себе черты, которые были необходимы для дальнейшей моей работы.

«Карнавал» — это рассказ о пути в искусство, наверное, не только героини фильма, но и многих из нас, работающих в нем. Это разговор не только о судьбе художника, но и о жизни, о пути к любимой профессии. Моя собственная жизнь — а это почти один к одному история, рассказанная в фильме «Карнавал», давала мне основание продолжать начатый на экране разговор и на встрече со зрителями.

Поездка на Дальний Восток оказалась для меня чрезвычайно целительной, полезной и важной, дала новые импульсы для творчества, наполнила мое сердце живительными токами, которые питают любого художника.

После поездки я твердо уверилась и еще в одной мысли — в этом меня убедила реакция зрителей на картину «Карнавал», — что смех, который художник может родить своим творением в зале, очень дорог. На прежних своих картинах я нередко видела плачущих людей, хотя и не делала трагедий. Слезы, пролитые в зрительном зале, — замечательные слезы, они от потрясения, вызванного встречей с искусством. Но заставить зрителя улыбнуться, заставить его смеяться труднее. Тяга к улыбке, к юмору была в моей душе давно. Если вспомнить «Три тополя на Плющихе», то, экранизируя маленький рассказ А. Борщаговского, я привнесла в фильм то, что связано со смешной, трогательной непосредственностью моей героини. И эти ниточки — найти в персонажах смешное — тянутся в общем-то оттуда. И герой фильма «Мы, нижеподписавшиеся» — Ленья Шиндин, и героиня «Карнавала» имеют много общего: это отсутствие боязни поставить себя в смешное положение, непосредственность, жизнелюбие, простодушие. Они люди родные по духу. И вот, когда встречаешься с залом, где собираются люди с разными настроениями, с разной мерой усталости (ведь день прожит), с разной мерой выпавшего на их долю счастья, и видишь, как эти люди смеются от души, это, по-моему, огромная награда и благодарность съемочной группе за труд.

Теперь, когда я читаю сценарии, то мне необходимо, чтобы там было и то, что может вызвать улыбку, смех. Я не говорю о генеральных задачах, это подразумевается само собой. Я очень верю в силу влияния кино. Ведь мы делаем картины для того, чтобы они проникали в сердца зрителей, как-то влияли на них, вносили свою долю света и разума. И для моего творчества мнение зрителей — один из самых важных моментов.

После поездки на Дальний Восток я еще раз убедилась в том, что неперенная задача художника в любом виде искусства соразмерять свои представления о жизни с опытом народным и обязательно корректировать их. И я думаю, что эта поездка внесет некоторые поправки в планы, которые у меня были, и в мою дальнейшую работу.